

А я за то, чтоб в жизни встретить
И неудачу, и грозу.
Улыбку вовремя заметить,
Припрятать вовремя слезу...
/ Маргарита Агашкина /

- Мда, - расплывчато, но доходчиво, охарактеризовала свое отражение в зеркале Вера Иннокентьевна Попугаева, дама сорока пяти лет запущенной наружности.

Хотела продолжить монолог-характеристику, но неожиданно зазвонил телефон. Вера испугалась – телефон давно не звонил. Успела отвыкнуть. Сын с невестой уехали отдыхать, позвонили по приезду – долетели благополучно, больше звонить не будем, дорого, пока... - Пока, - ответила в пустоту Вера Иннокентьевна: сын уже отключился.

А друзья... Друзья ушли вместе с мужем. Муж ушел от Веры к другой женщине, и друзья почему-то ушли вместе с ним. Не к той же женщине, вообще ушли. Никому не интересно, что с ней происходит. И зачем звонить, если ничего хорошего, интересно-занимательного, она не скажет, будет реветь, как белуга, жаловаться на мужа-предателя, и задавать банальный вопрос: «За что он со мной так поступил?» Ответ Вере не нужен, и так знает, что не заслужила такого отношения. Об этом Вера Иннокентьевна сообщит каждому звонившему, потому как звонивший вдруг да усомнится. И далее полетится обвинительно-клеймящая речь... И все о нем, о муженьке, паразите и сволочи...

Вера подскочила на месте от неожиданного прозвеневшего по всей квартире звонка. Схватила телефон и очень удивилась, что звонит... паразит и сволочь. Уж три месяца как слинял – ушел к разлучнице - и ни разу с тех пор не позвонил, не спросил... Ладно она не нужна, но сын-то... свой собственный, как две капли... Скажет, сын уже взрослый – двадцать четыре года, пора своих детей иметь. Он в его годы уже коляску катал...

Разве взрослому сыну не нужны родители? Нужны. И отцу, бывшему Вериному мужу – паразиту и сволочи, это хорошо известно. Но хочет найти причину своего охлаждения к сыну, вот и находит – мелет всякий бред.

А Вера считала бывшего мужа умным человеком. Получается, ошибалась.

За ум его и полюбила, так, по крайней мере, ей казалось. И как бы ее не уверяли всякие специалисты-психологи – влюбляются без причины, у Веры иное мнение – для любви нужен трамплин...

Она могла бы еще долго мысленно философствовать на тему возникновения любви, но мобильный телефон заливался трелями и мешал сосредоточиться. А очень хотелось на чем-то сосредоточиться, чтобы не думать о... паразите и сволочи. Покопалась в скудном обзывательском лексиконе – подбирала очередную словесную характеристику предателю, и без труда нашла. - Прощельга, - процедила сквозь зубы Вера, вслух обращаясь к «глухому» мужу, продолжавшему названивать.

Она не знала, ответить или пропустить вызов? Лучше пропустить.

Пропустит, соберется с мыслями, а потом перезвонит и беспечным тоном спросит: «Федя, ты мне звонил, а я пропустила твой звонок, была...»

Где она была? Сегодня выходной, могла находиться в шумном торговом центре, или в гипермаркете – продукты покупала...

Не интересно, не интригующе...

Была в салоне красоты! И что здесь интересно-интригующего? А то: последний раз Вера была в салоне красоты... дай Бог памяти... кажется, в день собственной свадьбы. Кончики волос подстригает сама – плюет с высокой колокольни на всякие суеверия, маникюр тоже сама делает, как и педикюр. И отросшие седые корни волос тоже подкрашивает сама. Все делает сама - экономная дамочка. Только сэкономила всегда на себе, ни в коем случае на муже или сыне. Им самое лучшее. В итоге получила «спасибо»...

- Надо ответить! – решительно заявила Вера и ответила... томным голосом, - аллооо. – Вышло глупо. Но назад не заберешь.

- Что делаешь? – напряженно спросил бывший муж, среди своих – Федя, для остальных – Фидель Юрьевич Попугаев.

Вера опешила: ни тебе здрасте, ни как живешь, как здоровье, а сразу - что делаешь?!

- Хочешь в гости напроситься? – голос Веры при этом предательски дрогнул, от ожидания утвердительного ответа: как иначе, если сам позвонил.

- Просто спросил.

- Все у меня отлично! – восхитилась не так сказанным, как своей ультрасообразительностью брошенная женщина, преданная однолюбка. Фраза вырвалась «не по теме», но Веруня нисколько не сожалела.

- Чем занята? – скорректировал свой вопрос Фидель. Раньше был для нее Федей, стал Фиделем, чужим человеком.

Пусть думает, что чужим. А на самом деле, как был родным и любимым, самым-самым, так им и остался. От одного его голоса душа в пятки усакакивает...

- Любуюсь своим отражением в зеркале, - слегка приврала бывшая супруга, официально находящаяся в прежнем статусе: пока обе стороны не изъявили желания расторгнуть брак, продлившийся почти четверть века.

- Ты изменила внешность? – хмыкнул мужчина, чрезвычайно обидев женщину, причем сразу «убил двух зайцев»: и намекнул на то, что до сегодняшнего дня, дня якобы преображения, была коровой неухоженной, и не поверил, что она способна измениться в лучшую сторону – все без толку.

- Пошел бы ты, Федя,... подальше! - напутствовала она человека, который «вытер об нее ноги». Так она сама считала, а как считали другие, ей было до лампочки.

- Я-то пойду, а ты с кем останешься?

- Насколько я знаю, ты уже пошел... ушел три месяца назад. И у меня появился повод начать новую жизнь.

- И с чего ты ее начала? Неужели тряпочку себе новую купила и теперь примеряешь ее перед зеркалом?

Сегодня Вера за «словом в карман не лезла», соображалка работала на полную катушку. Наверное, от радости – ОН позвонил!

- Я примеряю на себя состояние профессора Плейшнера из «Семнадцати мгновений...», когда он шел по улице и радовался жизни, а за кадром звучал завораживающий голос Ефима Копеляна: задание Штирлица профессор выполнил, на столе в гостиничном номере его ждали разложенные бумаги, вскоре он вернется и продолжит свою научную работу... Что-то в этом роде, не дословно... А Плейшнер шел и не знал, что идет навстречу своей смерти...

- Вера, тебе угрожает опасность? – напрягся Фидель.

- Сказанное в конце - про грядущую смерть - ко мне не имеет никакого отношения. Я, как Плейшнер, радуюсь жизни, и, в отличие от него, буду радоваться еще долгие годы. Я очень счастлива, я в начале пути следующей фазы жизни.

- И опять я ничего не понял, сегодня ты говоришь загадками.

- Я совсем не изменилась, я всегда так говорила, только ты меня почти не слушал, думал о своем... о своей... - Вот зря она упомянула похитительницу-разрушительницу: чужого мужа похитила, семью разрушила. Решила исправиться, но не нашла ничего умнее, чем ляпнуть, - кто не понял, тот дурак!

- Спасибо за комплимент, - расшаркался бывший супруг. – И почему же ты, умница каких свет не видывал, жила с таким дураком столько лет?

- Чуть-чуть не дотянули до серебряной свадьбы, - напомнила она без укора. И напоминать не собиралась, просто вырвалось.

- Я потому и звоню, хотел... это... поздравить...

- Ты совсем сбрендил на почве новой любви? Крыша поехала?! Он мне позвонил, чтобы поздравить с юбилеем нашей свадьбы?! Где это видано, где это слыхано, чтобы БЫВШИЙ муж звонил и поздравлял?! Еще в ресторан меня пригласи!

Верочке ужасно захотелось плакать, не просто плакать, а рыдать навзрыд, кусая зубами подушку, чтобы потом не жаль было выбросить старую наволочку в мусорное ведро: и душу

отвела и довела наволочку до идеально-выкидательного состояния. А Вера может - зубы у нее в прекрасном состоянии, и в визуальном, и в кусачем. Чего не скажешь о Федьке, который давно лишился некоторого количества зубов по причине трусости – боялся Федька стоматолога, как заплутавший грибник боится волков в дремучем лесу. Пусть без некоторой части зубов, пусть с заметной лысиной, пусть со вздорным характером, но для нее он лучше всех. Зачем он, беззубый, лысый, со вздорным характером, нужен разлучнице? Не нужен он ей. Поиграется, надоеет и выставит вон. А что он? Он вернется к жене, с которой прожил четверть века. Жена примет. И он об этом знает. Видимо, не все гладко в новом королевстве, Федька решил провести «разведку боем». Разведает и успокоится – примет назад блудного мужа, никуда не денется. Потому что любила, любит и будет любить.

- Вер, а может, сходим в ресторан, тряхнем стариной? – неискренне-бодрым голосом поинтересовался Фидель.

- Кто старина? Я старина?! Я - ягодка, женщина в самом соку... Тем более сейчас, когда... когда жизнь засверкала новыми красками.

От душивших слез, с завидным упорством отправляемых назад, у женщины в самом соку заложило нос, потому говорила она с легким французским прононсом. И понимала, что говорит банальности, но ничего умнее придумать не могла. Перед глазами стоял он – самый дорогой человек - и насмеялся. Практически издевался, приглашая в ресторан. Чтобы потом проводить до ИХ дома, распрощаться и уйти к другой, в чужой дом, ставший временным (временным ли?) пристанищем. И не подумал, изверг этакий, что с ней будет потом, после расставания.

Так и будет дергать ее за веревочки? Будет мешать жить самостоятельно? Напоминать о себе? Издеваться?

Найдет очередную причину для встречи, она опять согласится, чтобы убедиться – ему ТАМ очень плохо. Будет придирчиво изучать брюки – отглажены или нет, воротник сорочки – свежий или нет, прислушиваться, как звучит его голос – бодро и беспечно или жалостливо и выжидательно.

Зачем ей издевательства над собой? Она не мазохист. Рвать так рвать, не склеивать, не возвращаться в прошлое. Попрощайся... вежливо попрощайся и забудь. Вера, забудь! Живи дальше без него...

Легко сказать... Четверть века прожитых вместе – это не прогулка под луной...

- Ягода-малина, пойдем в ресторан, а? Или ты простудилась, судя по голосу? – вернул ее в реальность любимый голос.

- Я... не могу, - засуетилась Веруня, нервно накручивая прядь волос на указательный палец. Сделав локон, высвободила палец, полюбовалась своей работой, уложила скрученную прядь волос на груди, после чего приподняла его и облизала – скрепила намертво, склеив слюной. Видел бы ее муж, сразу догадался – нервничает за пределами. – Я... это... занята... Свидание у меня... Как раз сегодня.

- Отменить никак?

Вера представила, как Федька морщит нос, дужка очков подскакивает выше переносицы, потом возвращается в первоначальное положение, на положенное ей место. Нос-картошкой, взгляд детский, недовольный, губы коромыслом. Все она о нем знает.

Думала - все, оказалось – ничего. Встретил молодую мымру, полюбил, сам так сказал, и ушел к ней, бросил старую жену, как ненужный башмак, вышедший из моды, но еще вполне себе ничего... Где уж там ничего, страшно на себя смотреть...

- Вер, ну чего ты молчишь? Отметить никак? Или перенести?

- Что отменить? Что перенести? – слупила Вера.

- Как что? Встречу! Или свидание? Ты что сказала?

- Я сказала... свидание.

- Отменить можешь?

Вера запыхтела, как паровоз, набралась смелости в купе с наглостью и доверительно сообщила: - Федя, тебе, как родному, признаюсь: встретила мужика – закачаешься – писанный красавец! Молод, обаятелен, умен, богат...

Что же еще наплести о несуществующем писаном красавце? – подумала женщина. Но раз сегодня ЕЕ день, но можно себя не ограничивать:

- Влюбился в меня с первого взгляда. Сам так сказал. Неужели в меня можно влюбиться с первого взгляда?!
- Почему, нет, - проблеял Фидель.
- Честно говоря, я пока... не согласилась...
- На что?
- Федя, ты дурак?
- Ты меня об этом уже спрашивала.
- Могла бы и не спрашивать, и так все ясно, диагноз на лицо.
- У вас пока конфетно-букетный период? – поинтересовался Федя. Голос звучал ровно, не выдал беспокойства.
- Как сказать, - с неопределенностью ответила женщина, тиская двумя пальцами склеенный локон волос.
- И где же ты откопала своего красавчика?
- Не важно, - отмахнулась Вера. – Меня останавливает одно – он очень молод, гораздо моложе меня.
- Рровесник нашего сына? – прорычал бывший супруг.
- Точно не знаю, но где-то рядом... Все-таки, чуть-чуть старше нашего Васи, - «успокоила» жена со стажем.
- Не ожидал от тебя, - теперь в голосе отчетливо был слышен упрек. Упрек относился к возрасту нового избранника? Или к самому появлению избранника?
- Почувствовав пробуждение интереса, пусть и вялого, со стороны изменника, Веруна раздухарилась и решила добывать «доверительным признанием».
- Честно говоря – я на перепутье. Не знаю, как мне поступить. С одной стороны, никому ничего не должна, свободна, как ветер. А с другой, останавливает его напористость и... разница в возрасте. Я понимаю – чтобы выглядеть моложе, надо брать в спутники мужчину-ровесника, который выглядит старше своих лет. Например, как ты, Фидель. Или взрослого мужика, старше минимум лет на десять. На его фоне будешь выглядеть конфеткой...
- Нимфеткой, - злобно подсказал Федор.
- Могу и обидеться.
- Прости... Вера Иннокентьевна, очень вас прошу отменить встречу с новым кавалером и пойти со мной в ресторан, - скороговоркой произнес он.
- С чего вдруг появилась такая настойчивость?! – с чувством, смахивающим на оскорбленное самолюбие, высказалась Вера, мысленно подсчитывая, сколько у нее осталось денег до зарплаты, хватит ли их на быстрое преображение? По подсчетам выходило совсем мало, едва дотянет до полочки, а еще продукты надо купить.
- Фидель вежливо промолчал. Представил ей право делать самостоятельные выводы.
- А Вере хотелось признаний. Хотелось жалоб от бывшего мужа – мне там, у другой, у мымыры, очень плохо. Мне, вообще, худо без тебя, любимая, ненаглядная.
- А раз он трусовато промолчал, то у Верочки возникло объяснимое желание наговорить Фиделю разных обидных слов. Как он ей перед расставанием. И кончить всё разом. И пусть не звонит, не дергает за веревочки. Пусть знает – все кончено. И пусть живет с молодой мымырой, пресмыкается перед ней. Почувствует разницу.
- Опять стало больно и обидно. Ее можно бросить, ей можно позвонить в любое время и пригласить в ресторан. Что будут праздновать? Скорее, устраивать поминки по прошлой жизни, пролетевшей как один день. В той жизни Веру все устраивало. А Фиделя, как оказалось, не все.
- Или есть надежда вернуть прошлую жизнь? А будет ли она прежней? Между ними всегда будет стоять молодая мымыра. Доверие исчезнет. Появилась одна мымыра, появится и другая.
- Или стоит попробовать?
- Вера решила взять тайм-аут. Осмыслить, принять... правильное решение.
- Федя, мне надо подумать. Я перезвоню.
- Буду жда...
- Прервав переговоры на полуслове, вслух заявила, пусть не сделала открытие, но точно совершила переворот в своей жизни:

- Лучше быть голодной, чем носить облезлое тряпье и иметь неухоженную внешность! Вот так-то... Сейчас же ему позвоню, дам согласие, приведу себя в божеский вид, чтобы он увидел и понял кого потерял!

Перезвонила Феде и согласилась пойти с ним в ресторан.

Федя сделал вид, что нисколько в этом не сомневался. И съязвил:

- Надеюсь, ты не будешь устраивать в ресторане сцен ревности?

- Если ты будешь ставить мне условия, я вообще никуда не пойду! Больно надо!

- Я не ставлю никаких условий... Но я хорошо тебя знаю.

- По-моему у тебя память отшибло, когда ты ушел к другой. Я никогда... Если бы я... Ой, ладно, чего уж теперь! У тебя, Феденька, своя жизнь, у меня своя. Будем вести себя как цивилизованные люди – не устраивать никаких сцен. И не говорить о прошлом: что было, то было поросло.

- А мне иногда хочется... вспомнить прошлое, – неожиданно признался Попугаев. – Я часто вспоминаю смешные моменты. Это сейчас они кажутся смешными, а тогда... Помнишь, однажды я тебе подарил колечко. Неожиданно получил премию, шел мимо ювелирного и купил тебе кольцо, «на глазок». Кольцо пришлось тебе по размеру. И нет бы тебе порадоваться подарку, спасибо сказать, а ты целый вечер доставала меня вопросами: «Что случилось», «проштрафился?», «ты мне изменил?»

- Помню. А ты молчал и хмурился. Жалел, что купил жене в подарок кольцо без всякой причины?

- Жалел, что не купил сковородку, – усмехнулся Федя.

- А ты тогда... точно не проштрафился?

- Ох, женщины... Не проштрафился. Я тебе никогда не изменял... До тех пор, пока не встретил Стасю.

У Веры потемнело в глазах. У нее всегда темнело в глазах, когда слышала имя разлучницы – Станислава.

Очень хотелось сказать всё, что она о ней думает, но желание увидеть Фиделя, пойти с ним в ресторан пересилило и отрезвило...

Эйфория от грядущего свидания быстро прошла, едва Вера вновь взглянула на себя в зеркало. - И никакие ухищрения тебе не помогут, – «успокоила» она свое безликое отражение. – Увидит меня Федька и ужаснется. Подумает: зачем я ее пригласил в ресторан? Рассчитывал, что бывшие чувства вернутся, а увидел и... Если позвонил, предложил встретиться, то еще не все потеряно. Надежда умирает последней... Надежда умирает последней... - Вера выводила несколько раз фразу на лично сочиненные мотивы, заряжая себя бойцовской энергией.

Промаршировав по квартире с речевкой, Вера Попугаева вновь застыла перед зеркалом.

Можно преобразиться внешне, но что делать с грустным взглядом брошенной женщины? - призадумалась она. - Постоянная жалость к себе, несчастной женщине, которую никто не любит, наполнила меня всю, до краев. Как избавиться от жалости к себе, несчастливце?

Вера знала, как избавиться от жалости к себе, никому не нужной женщине. Информацию почерпнула из недавнего сюжета, из «телевизора».

Для претворения полученной информации в жизнь, нашла ненужную картонку, вывела на ней толстым синим маркером «Обними меня», полюбовалась на свою работу и быстро начала переодеваться для выхода на улицу. Напялила свою привычную одежду – немодные джинсы и матросскую футболку – в поперечную полоску, взяла картонку с надписью и шагнула через порог. Уже на лестничной площадке замешкалась – что о ней люди подумают?

Начихать, пусть что хотят, то и думают. Захотят обниматься – отлично, не захотят – плакать не будет...

Прелестное июньское утро выходного дня располагало к прогулкам по тенистому парку, к работе на садовом участке или к принятию солнечных ванн на берегу водоема.

Потому во дворе людей не наблюдалось. Так поначалу показалось Верочке, ослепленной на крыльце ярким солнцем. Но перемахнув ступеньки и отойдя от крыльца несколько шагов, она оказалась под сенью старых тополей, почти расставшихся с «седыми волосами» - тополиным пухом, и заметила колоритную личность, восседающую на скамейке с праздным видом. Личность Верочке была незнакома. Она рассчитывала прошмыгнуть мимо, чтобы не отвлекать личность от

философских мыслей и созерцания клумбы с цветущим на ней великолепием, но личность при ее приближении вскинула голову и удивленно сложила брови в виде разводных питерских мостов на середине пути.

- Погоди-ка! – приказала колоритная личность и поднялась со скамейки.

Вера подчинилась приказу. И пусть личность не показалась ей привлекательной с первого взгляда, но раз решила обниматься со всеми, значит, обнимайся!

Мужчина сграбастал ее в охапку, обдав запахом вчерашнего перегара. Вера стойко приняла объятия, даже нашла силы для вежливой улыбки. При ближайшем рассмотрении она поняла, что мужчине не больше тридцати пяти, плюс-минус. Назвать его пропойцей было нельзя. Одежду не сию минуту достали из стиральной машинки и не сразу пустили под утюг. Вероятнее всего – достали, но под утюг не пустили. Стильненько, подчеркнуто-пренебрежительно. Одежда колоритной личности была дорогой и модной – не то, что у самой Веры с ее допотопными джинсами: на нем тоже были джинсы – ее джинсам рознь, хлопковая рубашка, сильно «жеванная», но не замызганная, на босых ногах – кожаные сандалии, естественно, не на вещевом рынке купленные.

Мужчина взял ее за руку и потянул к скамейке. Они уселись рядом и решили поговорить ладком. Как в известной пословице. Вернее сказать, он решил посидеть, поболтать – видно заскучал, а она мечтала улизнуть и побыстрее. Но после дружеских объятий нельзя отказывать человеку: он первым откликнулся на ее призыв. Не побрезговал.

Мужчина пристально ее рассматривал, она пыталась увести от него взгляд, но не находила сил: ей он сразу понравился. Особенно привлекла двухдневная щетина и глаза цвета неба в хорошую погоду.

Мужчина достал из нагрудного кармана рубашки солнцезащитные очки и водрузил их на переносицу, не обращая внимание на отсутствие прямых солнечных лучей. Вера не заподозрила подвоха, напротив, мысленно его поблагодарила за то, что под стеклами очков скрылись необыкновенного цвета глаза – приманка для таких дур, как она.

- Ты кто? – по-панибратски спросил он, покончив с визуальным изучением. Откинулся на спинку скамейки, раскинув руки по краю спинки. Вера оказалась в его «объятиях». Дернулась, как от удара электрического тока, и привела собственную спину в строгое этикетное положение.

- Ч...человек, - искренне призналась Вера, от неожиданности слегка споткнувшись. От неестественного положения спина разболелась. Захотелось найти опору, а если честно - вернуться в «объятия». Не каждый раз выпадает такая удача: подобные мужики на скамейках в чужих дворах такая же редкость, как непьющий сантехник.

- Какой ты человек: умный или глупый, вежливый или неучтивый, с достоинством или без? – между тем продолжал допытываться незнакомец.

- А вам зачем?

- Хочу на тебе жениться! Но предварительно – познакомиться поближе.

- А имя, возраст, семейное положение – вас интересуют?

- Имя, возраст, семейное положение – ничего не значат, если я решил жениться. Значит другое - какой ты че-ло-век!

- Если я дура необразованная, то можешь и передумать жениться? – улыбнулась Вера, включаясь в игру. Тоже перешла незаметно на «ты».

- Не всем быть вундеркиндами и гениями. На каждого индивида свой любитель найдется, умственная недоразвитость компенсируется другими положительными качествами. Иному не бывать: человек не может быть соткан из одних положительных или одних отрицательных качеств. Я предпочитаю тех, у кого положительные качества преобладают. Ты из их числа. Сразу догадался, едва ты появилась на пороге с совершенно глупым видом. Уверяю, что перевоспитывать не стану. Не люблю перевоспитывать. Я не Пигмалион, ты не Элиза Дулиттл. Ты не Элиза? – опомнился он.

- Я Вера. Позвольте узнать ваше имя, - отчего-то напряглась женщина, как будто его имя на что-то могло повлиять.

- Ираклий.

- Сочиняете для изыска, - фыркнула она.

- Ни в коем случае. Могу паспорт показать.

- Покажите!

Ираклий, или как там его зовут на самом деле, привстал со скамейки и сунул руку в задний карман джинсов. После чего доложил:

- Дома забыл.

- Кто бы сомневался, - хмыкнула Вера.

- Какая ты недоверчивая, - прищурился свои голубые глаза, протянул Ираклий, предварительно забросив очки на лоб, словно собирался рассмотреть экую невидаль – недоверчивую мадам – без затемнений.

- Недоверчивая, неумная, немолодая, неучтивая, без достоинства... и мужем брошенная! – с задором сообщила она, как будто перечисляла свои положительные качества, благодаря которым сидящая рядом личность обязана взять ее в жены. Глаза личности сводили ее с ума.

- Расстроена? Плачешь по ночам? Мужа клянешь последними словами? Так, моя прекрасная леди?

- Всё так и есть! За прекрасную леди отдельное спасибо. И как, подходит тебе женщина, характеристика которой состоит из перечислений с приставкой «не»? - спросила Вера, перескакивая с «вы» на «ты».

- Именно о такой женщине я мечтал всю свою жизнь!

- Ну ты посмотри – врет и не краснеет! - отчеканила женщина.

Ираклий сделал честные глаза:

- Я никогда не вру, вру за редким исключением.

- Так никогда или за редким исключением?

- По обстоятельствам. Но об этом позже, - протараторил Ираклий, - а сейчас немного о себе. Тридцать пять лет, холост, никогда не был женат, руковожу клининговой компанией.

Еще бы знать, что это такое, - подумала Вера Попугаева, давно растерявшая желание развиваться и самосовершенствоваться. Не до того было. И еще подумала, что ей везет на мужчин с редкими именами.

Раз ее посчитали неумной, так ей показалось, и раз ее таковой принимают, то решила задать вопрос:

- А что такое клининговая компания?

- Мы принимаем заказы на уборку разного вида помещений - и жилых, и офисных, - пояснил Ираклий без всякого намека на пренебрежительное отношение к даме с ограниченными познаниями в сфере бытовых услуг.

- Понятно... Еще вопрос... Зачем я вам... тебе? Это какая-то игра?

- У хороших жен хорошие мужья. Хочу исправиться с помощью хорошей и надежной женщины.

- Шутите?

- Мне не до шуток. Сегодня утром осознал, что падаю в бездонную пропасть... Одно успокаивает – не приземлюсь, больно не ударюсь. Буду лететь вниз и лететь. Работа не позволит достичь дна жизни... Хотя, как знать... Но знаю одно - состояние постоянного полета меня не устраивает. Что-то изменить самостоятельно я не в силах.

- Только с помощью надежной женщины, я это поняла. – Вере наскучил этот ненужный ей разговор, который поначалу ее развлекал. И отвлек от собственных спорных мыслей.

- Ты мне не веришь, а зря.

- Объясните, почему выбор пал на меня? Потому что я выгляжу доверчивой дурочкой?

- Ты выглядишь женщиной, которой нужна мужская поддержка. Я буду тебе поддержкой, а ты – мне.

- Вы алкоголик?

- Я люблю выпить. Но могу остановиться. Работа не позволяет уйти в беспорядочное пьянство – лечь на дно. Я устал от такой жизни. Вернуть себя на десять лет назад, когда был прилежным мальчишкой, уже не могу. Но хочу попытаться хотя бы приблизиться. Для этого нужна твердая женская рука, нужна настоящая семья. Чтобы я не пропадал у друзей, не проводил время за игрой в карты.

- Вы игрок? – ужаснулась Вера. Для нее игромания была равносильна наркомании и алкоголизму.

- Я не проигрываю миллионы, так, по мелочи, выигрываю тоже не по-крупному, у нас ставки невысоки. Играем больше из желания провести время друг с другом. Нам скучно, ни у кого из друзей нет семьи. Дети есть, детей воспитывают бывшие жены.
- У вас тоже есть дети?
- Не могу сказать категорическое «нет». Скажу так – пока у меня не требовали признать отцовство.
- Пожалуй, я пойду. Приятно было познакомиться.
- Вера, ты мне отказываешь? – У Ираклия был такой ошарашенный вид, как будто он добивался этой женщины многие годы, постоянно предлагал руку и сердце, и получал постоянные отказы. Этот раз был последним, так он сам себе установил. Последний отказ подведет черту под земным существованием – он покинет этот мир без сожаления.
- Не люблю подобных шуток. И за себя обидно: неужели я выгляжу такой недотепой, что мне можно... вешать лапшу на уши, - назвала она вещи своими именами.
- Вера, ты себя недооцениваешь, вот я сразу оценил тебя по достоинству. Скажи прямо – ты переживаешь сейчас сложный период?
- Да, - прошелестела в ответ Вера Попугаева.
- Я тоже переживаю сейчас сложный период в жизни. И пока я это еще понимаю. Через некоторое время меня никто не сможет спасти. Да и сейчас, если честно, шансы невелики... Но у тебя... у тебя одной есть шанс! – пошел в атаку мужчина. - Обещаю взаимную помощь и поддержку. Наверное, я поспешил с предложением... Признаю свою оплошность... Всею свое время... Ты не оставила меня равнодушным, я сразу проникся к тебе симпатией. Веришь?
- Попугаева передернула плечами. Ираклий продолжил:
- Помнишь, мы в детстве говорили: «Давай дружить!» Наивно и просто, без затей. И я тебе говорю: «Вера, давай дружить!» На данном этапе мне достаточно дружбы с тобой. Это все равно что крюк в пропасти, за который я могу зацепиться.
- Кажется, я схожу с ума от одиночества, раз доверяю такому проходимцу, как этот Ираклий, - подумала Вера Иннокентьевна и обратилась к себе с призывом, - отрывай свое мягкое место от скамейки, бери в руки плакат и иди в люди! Обнимайся, поднимай настроение, наполняйся положительными эмоциями!
- Не оторвала свое мягкое место от скамейки, не взяла в руки плакат, но поняла одно: несмотря на то, что этот мужчина весьма приятной наружности «ездит ей по ушам», как любит выражаться ее сын Вася, или как она сама выразилась – вешает ей лапшу на уши, она успела накачаться от него положительной энергией. Куда-то исчез камень с души, стало легко и свободно.
- Вера, мы ничем друг другу не обязаны, ты всегда можешь уйти и забыть обо мне. Я не нуждаюсь в опеке или в постоянном контроле, я хочу быть кому-то нужен и хочу быть ответственным за человека, который во мне нуждается. Пусть не обязательно во мне, но я первый подставил ему локоть, поэтому несу ответственность. Я хочу тебя опекать не потому что влюбился с первого взгляда, а потому что увидел в тебе родственную душу, сильную и слабую одновременно. В чем-то ты сильнее меня, в чем-то слабее. Мы будем дополнять друг друга без обязательств. Если ты уйдешь, я не стану искать встреч, обивать пороги, выклянчивать дружбу. Но мне кажется... или хочет казаться, что только ты способна отвлечь меня от пагубного падения в колодец без дна.
- А ты сможешь мне забыть мужа, - еле слышно проговорила Вера. – Без обязательств? - мягко уточнила она
- С твоей стороны! Что касается меня, то...
- Лучше не продолжай, чтобы всё не испортить... Ираклий, ты ужасный эгоист. Все я, да я, мне и меня...
- Есть немного... Вера, прими нового друга таким, каким он является на данный момент. Изменения обязательно произойдут, поверь.
- Ираклий, но это не дружба, это игра в дружбу и обман для самих себя. Возможно, и для нашего окружения. Никто не поверит, что два таких разных человека «спелись в дуэте», - буравя его лживо-суровым взглядом, произнесла она.
- Разные люди ладят лучше, чем сиамские близнецы. Если ты хочешь, чтобы это была наша игра, пусть будет игра. Но давай будем верить во всамделишность. Вживимся в образы закадычных друзей, которые не могут жить друг без друга?

- Так вживимся, что станем ими?
- А ты против?
- Пока не знаю, - криво усмехнулась Вера.
- Пока не знаю, потому что совсем не знаю тебя, - с улыбкой договорил за нее Ираклий. – Давай куда-нибудь вместе ходим. Не смотри на меня такими испуганными глазами. Я тебя не в койку приглашаю! Я только предлагаю куда-нибудь вместе сходить, в культурное мероприятие, но последнее слово за тобой.
- Бывший муж пригласил меня вечером в ресторан отметить серебряную свадьбу, - сообщила Вера без утайки.
- Он... того? – Ираклий покрутил пальцем у виска. – Или пытается узнать, есть ли у него шанс все вернуть?
- Не думала об этом, но согласие дала. И еще сочинила, что у меня появился мужчина, который значительнее меня моложе.
- Как в воду глядела! – подпрыгнул на скамейке мужчина. – Вот он я – твой кавалер! И не спорь, женщина! Сегодня я составлю тебе компанию, несмотря на то, что не подхожу под категорию мужчин «значительно моложе тебя».
- Ой, не льсти мне! У меня есть дурная привычка смотреться в зеркало и видеть свое отражение, которое соответствует возрасту в паспорте.
- Я не сильно тебя обижу, если спрошу, сколько тебе лет?
- Сорок пять. Что скажешь? – Вера вздернула подбородок, одновременно расправила плечи, втянула живот, изобразила на лице царственное высокомерие.
- Я тебя умоляю – вернись в свой прежний милый образ.
- Простушки?
- Ты милая домашняя женщина, выглядишь на свои сорок пять. Устраивает? Или обидел?
- После твоих слов, я почувствовала себя милой домашней кошечкой. Захотелось помурлыкать.
- Когда мы окажемся в более интимной обстановке...
- Ираклий!
- О чем мы говорили? – озабоченно проговорил мужчина, вращая головой туда-сюда, и сам же напомнил, - мы говорили о твоём муже, о его приглашении в ресторан. Я просто обязан к тебе присоединиться, чтобы вызвать у него чувство ревности. Но до бешенства не хочу доводить. Когда пойму, что он пригласил тебя в ресторан не от скуки, не из праздного любопытства, а пытается навести мосты, то дам тебе знак, ты отлучишься в дамскую комнату, а я объясню, кем тебе являюсь на самом деле, а заодно, донесу мысль, какой он несусветный идиот, если ушел от такой преданной женщины.
- Откуда ты знаешь, что я преданная?
- На лбу написано большими буквами.
- Не боишься, что муж осознает свою ошибку и вернется? Что тогда? Мы забудем друг о друге, и ты продолжишь полет в бездну? Вряд ли ему понравится дружба его законной супруги с другим мужчиной. С мужчиной, который превосходит его по всем показателям... Зря я это сказала – твоя завышенная самооценка подскочила до небес.
- Я с тобой поделюсь, - усмехнулся Ираклий. Посерьезнел и повторил вопрос Веры, - что будет с нашей с тобой дружбой? Будем дружить втроем. Звучит двусмысленно? Выразусь иначе - возьмете меня на поруки. Шучу. Не знаю, что будет потом. Не люблю загадывать. Сейчас я тебе нужен, а ты нужна мне.
- Ираклий, наверное, я поступаю глупо, но я хочу, чтобы ты ко мне присоединился, - удовлетворенно констатировала Верочка, отбросив всякие сомнения.
- Жалеть не будешь? Вдруг помешаю восстановлению брачных уз.
- Не ставь меня на перепутье, я уже все решила. С тобой мне будет спокойнее... Тебе не кажется это странным?
- Что здесь странного?
- Идти на встречу с мужем, которого знаю, как облупленного, и брать в качестве поддержки человека, которого совсем не знаю.
- Так бывает.

- Бывает, но со мной впервые.
- Что-то еще? Не стесняйся, говори прямо, мы же друзья.
- С чего ты взял, что я хочу что-то сказать?
- У тебя вид любителя всяких букашек, который случайно раздавил жучка, считает это ужасным преступлением и боится признаться.
- Тоже мне, нашел сравнение. У меня... всё... серьезнее.
- Уже испугался.
- Ираклий, как ты думаешь, из меня... можно сделать эффектную женщину, хотя бы отдаленно-эффектную? - расстроено поинтересовалась Вера, словно заранее знала ответ.
- Мужчина в очередной раз приподнял очки, чтобы в очередной раз ее пристально рассмотреть. А Верочка торопливо заговорила:
- Я хочу внешне измениться. Дашь совет? Я в этих делах ни бум-бум. Кажется, что родилась с длинными волосами, с тех пор ничего не изменилось. И с одеждой полный провал, сам видишь. – Вера оттянула пальцами полосатую футболку, потом попыталась проделать тоже самое с джинсами, но не получилось – джинсы сидели как влитые. – С деньгами у меня проблем нет, но покупать что-то дорогое не хочу.
- Я знаю, что нам делать! – с этими словами Ираклий схватил Веру за руку и потянул прочь со двора...

Сначала Ираклий подвел Веру к автомобилю, который дожидался своего хозяина на парковке у кондитерской, расположенной неподалеку от покинутого двора. Едва они оказались в салоне авто, Ираклий сразу предъявил Вере водительские права.

- Ираклий Вениаминович Кудесников, - вслух прочитала женщина. – Классная фамилия... И машина у тебя классная... Большая...
- Ничего машинка, - согласился без заносчивости мужчина.
- Уже через десять минут поездки он свернул к большому торговому центру, в котором сосредоточилось большое количество бутиков одежды с заоблачными ценами. Вера об этом знала – один раз случайно забрела. Как зашла, так сразу и вышла – не по ее карману.
- Ираклий, я бы предпочла... вещевой рынок. Там нормальные вещи по... нормальным ценам.
- Ну уж нет! – резко бросил Ираклий. – Деньги – это не проблема! Если делать эффектную женщину, то делать!
- Для тебя – не проблема, но для меня, - проямлила Вера, уже сомневаясь, что в данном торговом месте или в каком-либо другом из нее сделают конфетку, как она сама выразилась в телефонном разговоре с Федей, или эффектную женщину – как в разговоре с Ираклием Кудесниковым.
- Зачем нужен друг? – принялся рассуждать мужчина. – Чтобы оказать посильную помощь. Мне по силам...
- Я не возьму у тебя ни копейки, - не дослушала его до конца Попугаева. Без лишних слов стало всё ясно и понятно – хочет ее купить, задобрить, набросить аркан... Чего еще он хочет? – задумалась она, изучая красивый и правильный мужской профиль. И пришла к нерадостному выводу: уж точно не то, чего обычно хочет получить мужчина от женщины, которая ему симпатична: не мечтает ее заполнить со всеми вытекающими последствиями. Верочке взгрустнулось.
- А займы возьмешь? Когда сможешь – отдашь, - сделал заманчивое предложение Кудесников. Теперь Вера изучала не его профиль, а анфас – он повернулся к ней лицом и требовательно застыл в ожидании ответа, уложив локоть на автомобильном руле.
- Отдавать буду по частям! – решительно заявила она, нахохлившись на сидении, как курица на насесте. Еще не хватало закурлыкать, от удовольствия. Очень ей захотелось закурлыкать. Хватило ума не только отвести взгляд, но и промолчать.
- Некоторые разводят тучи руками, Вера легким щелчком удалила грусть. А помог ей в этом сидящий рядом мужчина, который правильно себя повел в данной ситуации: не стал настаивать, а нашел компромисс...

Ираклий целенаправленно повел Веру в один из бутиков модной одежды, как мужской, так и женской.

Две девушки, очень похожие друг на друга, серьезно занялись робкой женщиной по приказу ее сопровождающего. А сопровождающий тем временем устроился на диване, взял в руки журнал и создал иллюзию отстранения от суеты.

Девушки-консультантки спросили, на какой случай Вере нужна одежда. Получив ответ, принялись увиваться вокруг нее с вешалками с разнообразной одеждой. У Веры закружилась голова, но она стойко выстояла перед напором, выбрала несколько платьев и один костюм. Два платья и костюм сразу отвергла в примерочной: костюм невероятно увеличивал ее габаритные размеры, одно платье было тесно в груди, другое слишком коротко. Еще одно платье забраковал Ираклий, который решил вернуться в «суету» и высказать свое категоричное мнение. Платье было аляповатым, безвкусной расцветки. Вера спорить не стала, хотя, платье ей очень понравилось. И сидело на ней неплохо, и длина подходящая – прикрывала колени, и нигде не тянуло, не давило. В итоге, после всех мучений и издевательств общими усилиями выбрали веселенькое платьице в горох разного размера – среднего и мелкого, ни в коем случае не большого – не для ее фигуры. На белом фоне синие горошинки. Не слишком парадное – пусть Федька не думает, что поход вместе с ним в ресторан – для нее великий праздник, балахонистое – скрывающее недостатки. Повседневным платье точно не назовешь. А длина платья... Одним словом, коротковато и непривычно.

- У тебя прекрасные колени! – воскликнул Ираклий, - не надо их прятать. У тебя, вообще, обалденные ноги! А ты кутаешь их в джинсы.

- Не всегда, - вставила Вера Попугаева, с восторгом изучая свое отражение в зеркале. Раньше она не верила, что одежда способна изменить человека. В худшую сторону, да, но в лучшую... На лицо и прическу старалась не смотреть, в деле преображения не поставлена точка.

- Понятно – носишь не только джинсы, но и платья до середины икры, «обрезающие» тебе ноги.

- У меня нет вкуса, - призналась Вера.

- Не в этом дело! Ты просто себя не любишь. Если не любишь, то и не балуешь. Вот мужа ты любила... любишь? – поправился он. – Вижу – любишь. Его небось баловала, шмотки дорогие покупала. И вкус был?

- Был, - кивнула Вера Иннокентьевна, - в мужской одежде я лучше разбираюсь, чем в женской. Вижу, что идет... шло мужу, что совсем не в дугу.

- Занятно, - хмыкнул Кудесников. – Получается, твой муж ходил «кум королю сват министру», этакий щеголь-могиль, а ты рядышком семенила, как... Лучше я промолчу, чтобы не обидеть.

- Лучше промолчи, - окрысилась Вера, глаза которой налились слезами. Чтобы ее спутник не заметил слез, заинтересованно уставилась на симпатичную обувь и сумочки, выставленные на витрине.

Разговор происходил после покупки веселенького платья. Хватило всего одного слова нового друга, чтобы вернуть ее из сказки в реальность.

Вера мысленно уговаривала себя не реветь, напоминала, что за три месяца одиночества выплакалась на всю оставшуюся жизнь вперед. Довольно!

Мужчина, он же новый друг, стоял рядом и что-то говорил. Она не слушала, не до него ей было. Тоска по мужу накатила с новой силой. Поняла, что не хочет его видеть, не хочет этой встречи в ресторане... Ничего не хочет... Потому что знает, Федька к ней не вернется как бы она не выглядела. Он любит другую женщину, молодую с длинными манекенщицкими ногами, с тонкой талией... Мымру он любит, а не ее, Веру, мать его сына Васи. Надоела она ему... Та, которую любил когда-то, на руках носил, цветы охапками дарил, полевые, ее, прежней, уже нет... Но никогда Федька ее не баловал, не умилялся от ее вида, не говорил комплиментов. Она считала, что так и должно быть. И подарков почти не дарил... Вот только колечко, ставшее причиной раздора. Наверное, грехи замаливал... Точно изменил ей с какой-нибудь мымрой. Но в ту пору еще любил жену, меньше, чем в молодости, но любил, потому и клялся: не было ничего, он ей верен. Время прошло, окончательно разлюбил, ни единой капельки любви в сердце не осталось. Держался рядом из-за комфорта. Комфортно ему было с Верой. А с мымрой не очень комфортно. Федька пребывал в раздумьях – что выбрать: комфорт или любовь? Выбрал любовь. Потому что

еще не дряхлый старик. Ровесник Веры. Это женщина в сорок пять – подсохшая ягода, а мужик в сорок пять еще... мужик, детей наплодит...

- Вера! Тебе эти понравились? – сквозь пелену грусти прорвался к ней голос нового друга.

Что ему нужно, чего он добивается? Надоели ей все, он в том числе. Он больше других: другие хотя бы не изображают из себя заинтересованных лиц, не дурят голову, а проходят мимо, не замечая. Потому что она - пустое место.

Ираклий дурит ей голову, а она позволяет: не хочет быть пустым местом, хочет быть... желанной. Что в этом удивительного? Любая женщина хочет быть желанной. И еще хочет быть красивой, хочет быть ухоженной.

А Вера хочет? Вера «катается на качелях» – вверх, вниз, вверх, вниз: то хочет, то не хочет. Пять минут назад радовалась обнове, глаза загорелись, как у голодной кошки перед полной миской молока, а потом раз и потухли глаза – молока не хочется, хочется рыбки. С голодухи не перебирала бы харчами. Перебирает. Значит, еще не оскелетилась совсем...

Что же делать? Как выкрутиться, чтобы не обидеть человека, который проникся к ней симпатией, так ей хочется думать, и расстаться навсегда?

Или... у него свои цели касательно нее? Скажем так – непорядочные?

О чем это она? О том, что молодой мужчина хочет ее совратить? Ее, засохшую ягоду, забитую женщину, заиклившуюся на мужа? А то Ираклий не найдет себе другой «товар», не залежавшийся на полках. И искать-то не станет, девки сами на него бросаются, небось. Вон какой красавчик с двухдневной щетиной, глазами необыкновенной небесной чистоты. Самоназванный друг...

Друг неизвестно откуда свалился ей на голову и заставляет жить по указке. Что изменилось? Ничего не изменилось.

Вера только сейчас заметила летние туфли на своих ногах. Поняла, что сидит на пуфике в магазине обуви, держит в руках симпатичную сумку – ту самую, за которую зацепился взгляд. Взгляд зацепился бы за что угодно, лишь бы зацепиться.

- Ираклий, пойдем отсюда, - прошептала Вера. – Я ничего не хочу. Не надо мне ничего. И платье давай вернем в магазин. Так можно?

- Можно всё. Но нужно ли?

- Нужно.

- Позволь мне настоять на своем – мы сейчас купим эти туфли, эту сумочку, потом отправимся в салон красоты, а потом... в ресторан, где тебя будет ждать... один мужчина. Ты придешь к нему на встречу с другим мужчиной. И этот другой сразу уйдет, едва ты поведешь бровью. Я сразу все пойму. И не буду вам мешать. Как тебе такой вариант?

- Я... не знаю, - промямлила Вера Иннокентьевна.

- Уже лучше, есть подвижки в правильном направлении. Подумай еще.

- Я согласна...

- Моей голове так легко стало, - призналась Вера на ступеньках салона красоты после преображения. – И цвет волос как будто мой и не мой одновременно. Блестящие. Здорово получилось. – Она потрясла головой, волосы зашевелились.

- Времени у нас в обрез. Сейчас я подброшу тебя до дома, сам мотнусь к себе, приведу себя в божеский вид, и ровно в пять буду ждать тебя у подъезда. И не смей забивать голову всякой чепухой. Я имею в виду переживания.

- У меня прекрасное настроение. Благодаря тебе, заметь.

- Рад слышать...

Все прошло по плану – ровно в пять счастливая и слегка уставшая от любований на себя в зеркале Вера вышла из подъезда и села в автомобиль Ираклия Кудесникова. На этот раз на Ираклии были темные брюки и белоснежная сорочка. Хоть сейчас в загс... На радость или на беду Веры щетина на его лице осталась - занимала свое почетное, притягательное, место. Про глаза вообще говорить не стоит – глаза сводили ее с ума.

Ресторан, где ей назначил встречу Фидель, находился на окраине города. Ресторан Вере был известен – в нем отмечали юбилеи все их приятели. Приятели Фиделя. Вера была бесплатным приложением к мужу. Туда новые друзья и направились.

- Не сиди как на похоронах! – приказал ей Ираклий, когда они остановились на светофоре. – Вышла такая сияющая, чем дальше, тем все хуже и хуже.

- Не выдумывай!

- Я не слепой, я очень даже наблюдательный.

- Хвастун!

- Ты забыла мое имя? – усмехнулся он.

- Как тебя друзья называют? Не всегда же обращаются к тебе официально - Ираклий.

- Друзья называют Ирэк. Но чаще – Кудес. Со школьной скамьи так повелось.

- Мне не нравится. Я буду называть тебя Ираклий.

- Вера, мне кажется, ты сейчас расплачешься. Так?

- Тебе только кажется.

- Послушай меня, девочка Вера. Принимай изменения в жизни с благодарностью. Вот жила ты по расписанию, однообразно и скучно...

- Меня все в моей жизни устраивало, - перебила Попугаева.

- Возможно. Удивительно, что со скуки не померла.

- А сейчас-то как весело! Прямо обхохочешься! – съязвила она.

- Посмотри на уход мужа с другой стороны, - посоветовал Ираклий, не обратив внимания на ерничество. - Раньше ты ничего и никого вокруг не замечала. Была рабыней своего мужа. Твоя жизнь подчинялась только ему. Сейчас ты свободна. Ты стоишь на перекрестке, иди в любую сторону, на выбор. И радуйся, что твое болотное однообразие кануло в вечность. Попробуй себя в новом качестве...

- Друга, - вставила Вера без намека на улыбку. – Или любовницы.

- Я в принципе не против, - на полном серьезе заявил мужчина.

- Поехали уже, тебе сигналият, не слышишь?

Ираклий некоторое время молчал, потом заговорил вновь:

- О такой женщине мечтает каждый умный мужик.

- Тоже мне нашел женщину – мечту поэта!

- Почему нет? – передернул крепкими плечами Ираклий Кудесников. – Только ты об этом не догадывалась. Признайся, ты ловила на себе заинтересованные мужские взгляды?

- Не знаю, не обращала внимания.

- Я так и думал. На твоём муже свет клином сошелся? Он один на всем белом свете?

Вместо того, чтобы ответить, Вера тихонько замурлыкала слова известной песни:

- На тебе сошелся клином белый свет, на тебе сошелся клином белый свет...

- У тебя хороший голос, - похвалил Ираклий, когда она смолкла.

- Один мой коллега как-то на празднике перебрал со спиртным и признался мне: твои выдающиеся вокальные данные с лихвой компенсируют невыразительную внешность. Хороший комплимент?

- Комплимент от человека с массой комплексов, - нашелся Кудесников.

- С чего ты взял? Ты его в глаза никогда не видел.

- Уверен – он подкаблучник дома, а на работе третирует слабый пол. Догадался?

- В общем ты прав. И он прав. - Вера вздохнула и добавила, - наверное, так думает не он один. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

- Некрасивых женщине не бывает, есть женщины, которые не хотят за собой следить в силу разных причин. Ты считала, что муж любит тебя любую.

- И ошибалась.

- Хорошо, что поняла это.

- Слишком поздно.

- Поздно тому, кого выносят вперед ногами, тем, кто жив, ничего еще не поздно изменить или исправить. Возьми и отчебучь чего-нибудь?

- Например? Станцевать на столе в ресторане?

- Шутки шутите, моя прекрасная леди! Для начала скинь свой кокон, в который тебе запеленал муж сразу после свадьбы.

- Ираклий, я тебя боюсь.

- Правильно делаешь, - усмехнулся он. – Кажется, мы приехали. Вовремя успели. Как ты меня представишь?

- Что, значит, как? Моим другом. Скажу: Федя, заочно вы уже знакомы с Ираклием, пора познакомиться очно....

Так Вера и начала, когда они с Кудесниковым подошли к столику, за которым с гордым видом сидел Фидель Попугаев. Гордый вид сразу перетек в напряженное ожидание подвоха. Фидель явно не поверил словам Веры о существовании поклонника. А тут – вот он, молодой, влюбленный, богатый...

Сморчок, - подумал о бывшем муже своей подруги Ираклий Кудесников.

Выпендрейщик, - подумал о Кудесникове Фидель Юрьевич Попугаев. Пригласив бывшую супругу в ресторан, он хотел насладиться своей властью над ней, но никак не ожидал увидеть ее в компании молодого повесы, выпендрейщика. Получается всё зря: зря наплел Станиславе о встрече с другом, который едет через город транзитом – потому и назначил встречу в ресторане вблизи трассы. Федя пригласил Стасю пойти с ним, но та отказалась. Он в этом несколько не сомневался. Потому и пригласил. Чем дольше они жили вместе, тем больше Фидель убеждался в своей ошибке. Разница в возрасте два десятка лет – это пропасть: разные взгляды, убеждения, интересы. Когда он жил с Верой, у них все было общее. Привык. В итоге наскучило. Всё наскучило, Вера с ее раболепством и предсказуемостью - особенно. Хочет вернуться? Уйти от Станиславы ему хочется, но не к Вере Иннокентьевне. Лучше перебраться в другой город. Начать жизнь заново.

О Вере забудет?.. А ответа-то и нет!..

Уедет... Куда он уедет... от Веры! А она красотка... И кажется, «его поезд уже ушел»... И несколько не жалеет! Жалеет о другом - зачем затеял эти посиделки в ресторане? О чем ему говорить с бывшей женой? Поддался минутному желанию, теперь расхлебывай. Даже лучше, что она пришла с другим мужчиной? Будет повод улизнуть. Кто-то позвонит, он откланяется без всякого сожаления. Без обиды на бывшую супругу. Пусть живет как хочет. Ее право. Ему она точно не нужна, даже сильно изменившаяся в лучшую сторону. Чужая женщина. Будто бы и не было четверти века, прожитой вместе...

Заговорили о погоде, плавно перешли на политику. А через полчаса Фиделю позвонили, и он негалантно себя повел – попрощался и ушел. Еще и заказ не успели принести, пропустили всего по рюмке спиртного, закусили малосольным огурчиком.

- Ты видел? – спросила Вера, нервно пережевывая собственные губы.

- Идиёт, - изрек без эмоций Кудесников, воровато прихватывая кусок хлеба и намазывая его красным соусом. – Я голоден как зверь. С утра ничего не ел, - признался он. Налил себе рюмку водки и лихо ее опрокинул.

- И все-таки ты алкоголик, - осудила Попугаева. И почему-то нервно хихикнула.

Ираклий настороженно на нее взглянул – ожидал, что сейчас разрыдается. Но Вера не заплакала, сидела и смотрела в одну точку – сосредоточилась на его пальцах левой руки, которые от волнения шевелились, как будто он играл на фортепьяно.

- Вера, ты... расстроилась?

Вера тряхнула головой, разметав волосы, после чего констатировала:

- Ты алкоголик.

- Периодический выпивоха, - поправил ее Ираклий. Он не знал, как ему поступить: затрагивать тему, которую его спутница пытается обойти, или заговорить о чем-то другом. Как ни странно, ему хотелось поговорить о поведении Фиделя Попугаева – дать Верочке высказаться. Авось ей станет легче.

- Если бы мы были вдвоем, он бы тоже ушел по первому требованию своей мымры? - спросила она, желая услышать мнение знающего человека. Сама вернулась к теме Фиделя.

- Сомневаюсь, что ему звонила мымра. Вряд ли она в курсе, что он встречается с тобой в ресторане. Кто-то позвонил, твой Фидель уцепился за звонок – срочно вызывают. Он испытывал дискомфорт в моем присутствии. Ты не жалеешь, что я пришел с тобой?
- Нисколечко, - призналась Вера. – Допустим, я пришла бы одна, несколько часов мы толкли «воду в ступе», потом расстались, и он вернулся к своей... Зачем вообще затевался с рестораном?
- Хотел узнать, любишь ли ты его по-прежнему. Никому не помешает иметь запасной аэродром – вдруг что-то не заладится в новой жизни.
- Не заладится и вернется к удобной жене.
- Не грусти, еще не все потеряно. Он вернется, дай только время, - не очень уверенно проговорил Ираклий. Раз начал убеждать, решил продолжить, - уже завтра позвонит тебе и начнет трясти по законам следственных органов – проводить допрос с пристрастием. И главной фигурой в разговоре, естественно, буду я – скромный бизнесмен Ираклий Кудесников – человек, способный помешать его планам. Поэтому этого человека, в смысле меня, надо удалить из жизни Веры любыми способами. Удалить, посадить жену у окна – пусть терпеливо ждет его возвращения.
- Бегу и падаю, - хмыкнула Вера, внимательно наблюдая, как Ираклий наливает себе рюмку до краев. – Слушай, а как же ты сядешь за руль?
- Вызову тебе такси, а сам спокойно поеду домой, до дома рукой подать по проселочным дорогам.
- А где ты живешь?
- У меня небольшой домик в коттеджном поселке, рядом с деревней Фундукино. Небольшая деревенька с немногочисленными деревенскими жителями, рядом с ней ускоренными темпами вырос коттеджный поселок. В нем я и живу.
- Ираклий смерил женщину взглядом и заявил:
- Одну я тебя в город не отпущу – еще украдут такую прекрасную леди!
- Как украдут, так и вернут, еще и денег дадут, чтобы назад приняли, - заулыбалась Вера.
- У тебя замечательная улыбка. И глаза... Красивые... Миндалевидные...
- Представляю, что подумал Федя, когда меня увидел.
- Кто о чем, а вшивый о бане. Не стыдно?
- Не поняла.
- Сидишь за столиком с мужчиной, который вполне себе ничего...
- Очень даже...
- Приятно слышать, - расшаркался Кудесников, - сидишь рядом с одним мужчиной и вспоминаешь другого мужчину. Безобразие! Где вас воспитывали, дамочка?
- Вообще не воспитывали! – залилась смехом Вера. Но сразу осеклась, едва Ираклий вновь взялся наполнять свою рюмку. – Мужчина! – без продолжения обратилась она.
- Нельзя в одну секунду избавиться от всех вредных привычек. От одной я уже почти избавился – почти не хвастаю, а с выпивкой... Но я выпил всего две... три рюмки! Не смотри на меня, как на врага народа! Все, больше не буду...
- А домой приедешь, оторвешься по полной, - поиронизировала Попугаева.
- Вер, а поехали ко мне!
- Ага, щас.
- Даю честное бизнесменское – приставать не буду! Мы же друзья. Забыла?
- С тобой забудешь.
- Ладно, не хочешь ко мне, я вызову такси, провожу тебя, потом вернусь к ресторану и поеду домой на своей машине.
- Мне завтра с утра на работу, - невпопад ляпнула Вера, забыв об отказе.
- Я тебя не на Северный Полюс приглашаю. От моего дома до города всего-то двадцать пять километров. Кстати, а кем ты работаешь?
- Я соцработник. Помогаю старикам и немощным людям... Я люблю свою работу! – заверила она.
- Респект. А тот, с комплексами, который выпьет и несет всякую ерунду?
- Среди начальства затерялся. Помогает тем, кому делать нечего.
- Люблю людей с чувством юмора.
- Раньше и не замечала, что оно у меня есть, - призналась Вера.

- Процесс пошел, - возрадовался Ираклий. – Так ты согласна переночевать у меня? Говорю же - приставать не буду.

- А жаль, - вновь рассмеялась женщина, которая три месяца лила слезы по мужу-предателю – перевыполнила план.

Ей хотелось признаться, что по образованию она филолог, но по специальности почти не работала. Вышла замуж, родился сын, нужна была работа со свободным графиком... Хотела возвысить себя в глазах Ираклия, но привычно не стала этого делать, не изменила своим убеждениям: пусть ее любят такой, какой она является на данный момент. Она просто человек. А какой она человек, пусть сам Ираклий узнает по мере знакомства...

Ираклий Кудесников жил в двухэтажном деревянном доме с открытой верандой, крышу поддерживали колонны с резными капителями. Едва Вера оказалась на территории, сразу бухнулась на качели с мягкими сиденьями. Сверху качели прикрывала крыша. Как нельзя кстати – с темно-серого неба начали падать крупные капли дождя.

- Пойдем в дом, сейчас ливень накроет, - сказал Ираклий, прихватил Веру за руку и потащил за собой...

Они пили чай с малиновым вареньем, слушали тихую музыку и почти не разговаривали. Веру не тяготило молчание. Главное – Ираклий ее не замечает. Погрузился в себя.

О чем он думает? - размышляла Попугаева. Она уютно устроилась на диване с ногами, подтянула к себе все имеющиеся на диване подушечки, уложила их стопкой, только собралась мысленно высказать предположения о думах хозяина дома, но не заметила, как голова оказалась на подушках. Не успела крепко уснуть, вернуло в явь легкое прикосновение.

- Вера, пойдем...

- Куда? – испугалась она.

- Всего лишь с гостевую спальню, где ты можешь хорошо выспаться.

- Пойдем...

Вера Иннокентьевна дала себе слово – спать не будет! Глаз не сомкнет, чтобы... чтобы «как бы чего не вышло»... Но где там. Только приняла горизонтальное положение, только выпучила глаза – чтобы не уснуть, и не заметила, как глаза закрылись сами собой...

Вера всегда спала чутко, слышала любой шорох, но не сегодня. Сегодня было всё не так. Пали из пушки – не услышит.

Она не услышала, как открылась дверь в гостевую спальню, не услышала, как вошел хозяин, молодой красивый мужчина, как он сел в кресло, перекинул ногу на ногу, сплел руки на груди и принялся ее изучать. Наверное, так изучает невесту жених, впервые увидевший ее на свадьбе. На свадьбе изучать было неловко, теперь, когда она крепко уснула, можно рассмотреть, разобраться, кого ему сосватали...

Когда Ираклий увидел ее там, на крыльце с картонкой в руках, сразу решил – пришибленная: психушка – дом родной! И очень расстроился: у него ничего не выйдет!

Но отступать он не привык.

Для начала необходимо познакомиться, тем более повод для разговора подсказала сама женщина, неловкая и угловатая: она держала в руках табличку с определенным предложением. Нужно быть полным идиотом, чтобы не понять одну простую вещь - дама с элементами безумия одинока. Причем стала одинокой совсем недавно, потому и страдает, но душевная «болезнь» начала пускать корни. Еще немного и психушка станет родным домом.

Ираклий никогда не был спасателем, он был черствым и равнодушным человеком. На время мог стать добрячком – ради своих корыстных интересов. Например, как в данном конкретном случае. Хочешь – не хочешь, а придется изображать мужчину, который заинтересовался женщиной, насмерть перепуганной.

Решил – дурочка несусветная, доверчивая до неприличия, справится с ней без лишних усилий – только пальчиком помани: загорится желанием отомстить мужу, который ее бросил после долгих лет совместной жизни. Поступком мужа Ираклий нисколько не удивлен: жить рядом с женщиной, махнувшей на себя рукой, надоест любому. Мужчины, в основной своей массе, эстеты: хотят любоваться своей женщиной, пусть с перерывом, когда у нее нет настроения или желания для

преображения, для ухода за собой. Фанатичный уход за мужем проблему не решит. Муж начнет замечать других женщин, которые не ходят с кублом на голове, не носят вещи, купленные на вещевом рынке раз в пятилетку.

У Ираклия не было опыта семейной жизни. Был недолгий опыт совместного проживания: всего четыре месяца. Расстались по обоюдному согласию: Ираклий устал изображать любовь и радость, девушка хотела постоянной любви и радости с его стороны. Но сама не стремилась любить и радоваться.

Ираклий понял: он навсегда останется холостяком, потому что не сможет ослепнуть: любые недочеты женщины будет замечать, даже мало-мальские. Мало-мальские будут увеличиваться и увеличиваться, доведут до ненависти. Оно ему надо? Точно – не надо. Как хорошо жить одному! Время от времени он контактирует с женским полом – как без этого, все-таки молод, природа требует свое. Отношения длятся несколько дней, потом он устаёт от вопросов, глупых и однообразных, устаёт от одного и того же лица, мелькающего перед глазами. От ласк тоже устаёт.

Не любил? Не любил. Не верил? Не верил ни одному ее слову.

Девушка, получившая отставку, продолжала ходить за ним по пятам. Но вскоре ей надоедало. Правда, был один случай. Рыжеволосая пигалица поставила себе цель - женить его на себе во что бы то ни стало: завидный жених.

Уставший от осады завидный жених взял напрокат у одного дедка старенький автомобиль «Жигули», шестерку. Автомобиль при езде фыркал и чихал, после долгой остановки на земле оставалось большое масляное пятно. Про салон, вообще, лучше не говорить: «шик-модерн», одним словом.

К автомобилю добавился костюмчик «прощай, молодость», позаимствованный у соседа, любителя «жить и наслаждаться».

В новом образе, на новом-старом автомобиле, Ираклий Кудесников приехал к приставучей особе – делать предложение. В руках держал слегка подвявшую сирень, нагло наломанную в чужом палисаднике. На лице застыла надежда с ноткой отчаяния.

Ираклий признался, что разорен. И чтобы расплатиться с кредиторами, пришлось продать бизнес, недвижимость. Всё продать. Он гол, как сокол. Но они любят друг друга, а с любимым рай и в шалаше.

Оказалось, не рай. Разлюбила мгновенно, забыла не только о прежнем чувстве, но и как зовут мужчину, за которым ходила след в след несколько тяжелых месяцев...

Интересно, а Вера бы приняла разорившегося бизнесмена, - подумал Ираклий, беззастенчиво наблюдая за спящей женщиной. Ответ не заставил себя долго ждать: если бы любила, приняла... Если бы не любила, тоже приняла бы, из жалости. Не первого встречного, а знакомого, пусть и не близкого друга...

Потешная она. И несчастная.

Гад ее бывший муж. Как можно было бросить такую любящую женщину, такую преданную женщину, практически декабристку: уж точно бы поехала за ним на край света. А отказ от всего, от собственной жизни, ради него, любимого, этого разве не декабриство? Он ее оттолкнул, перешагнул и ушел, не оглядываясь. Еще и издевается – в ресторан пригласил отметить серебряную свадьбу. Она зачем-то согласилась. Надеется на возвращение. Зачем? Боится жить одна. Боится перемен.

Многие так живут, и их такая жизнь устраивает. Но нельзя существовать рядом, когда один любит-любит-любит, а другой – позволяет-позволяет-позволяет, тем самым унижает и нисколько не уважает, - пришел к выводу, совершенно не гениальному, Ираклий Кудесников.

Он никогда не мог предположить, что любование спящей женщиной будет приносить ему огромное наслаждение. Конечно, хочется к ней прикоснуться, дотронуться губами... Но сдерживает себя: разбудит и наслаждение исчезнет. Наслаждение с элементами простого и понятного счастья и детской радости по микроскопическому, по стороннему мнению, поводу.

Ираклий не упомнит, когда был так счастлив. Наверное, в далеком детстве, когда радовала игрушка, о которой быстро забывал.

Вера – не игрушка. Вера навсегда вошла в его жизнь. Незаметно и навсегда...

Как быть? За игрой в преферанс заспорили с одним приятелем. Спор разрешился быстро – под рукой интернет, «Википедия». Ираклий проиграл, обязан исполнить желание.

Ничего сверхгениального: Ираклий должен влюбить в себя первую встречную – потому и сидел на скамейке в чужом дворе. Двор тоже выбрал приятель, более удачливый спорщик. Ближайшей ночью, в крайнем случае – плюс еще одна ночь, женщина должна оказаться в его постели.

Доказательство – селфи на смартфоне. Снимок отправится по WhatsApp на смартфон приятеля.

Больше всего Кудесников боялся, что во дворе первой появится старушка. Данное недоразумение сразу обговорил с приятелем. Тот согласился с возрастными ограничениями. Да еще с какими: это не должна быть молоденькая финтифлюшка, которая сразу согласится на участие в постельной сцене с привлекательным и что самое важное – небедным мужчиной.

Установив возрастные ограничения для неосведомленной участницы, приятель добавил от себя: «Ты должен прикинуться беднячком-среднячком. Открыть правду можно в одном случае – если женщина равнодушна к богатству. Сориентируешься по месту».

Вера оказалась равнодушной не только к чужим богатствам, но, что самое ужасное, ко всем в мире мужчинам, кроме собственного мужа, который жестоко с ней обошелся.

Но Ираклию показалось, что перед тем как закрыть дверь спальни перед его носом, она посмотрела на него иначе, чем смотрела весь сегодняшний день. В глазах вспыхнул не просто интерес, а вызов. Ожидание от него мужского поступка, который сразу будет пресечен. Как бы насладиться своей силой и его желанием одновременно.

Ожиданий он не оправдал. Боялся всё испортить. Застыл столбом. Чуть нос не пострадал – едва дверь не прищемили. Как любопытной Варваре на базаре.

Интерес - возвращение в нормальную жизнь - у Веры не случился ни тогда, когда купили славное платье, модную обувь, сумочку. Не случился, когда шутил, а она смеялась в ответ на его шутки. Не случился, когда она оказалась в его доме. Ни он сам, ни его дом, ни его доходы ее не интересовали. Она жила в прежнем мире ожидания: мечтала вернуться в счастливое прошлое. Будущего не мыслила без мужа.

Что-то мелькнуло в ее глазах похожее на интерес, когда он принялся о ней заботиться: устроил на диване, напоил чаем, спрашивал, удобно ли ей, все ли устраивает. Спрашивал искренне, без фальши – без дежурных фраз. А Вера, тонкая натура, тотчас уловила его волну, новую волну, на которую он постепенно настраивался в течение всего дня. Уловила и посмотрела другими глазами, глазами другой женщины, свободной, – без обязательств перед человеком, который ее покинул, который был для нее всем. Скорее всего, покинул не навсегда – такой преданности он никогда не дождется. А к преданности он привык, жить без этой преданности не может. Пока не пришел к этой простой и понятной мысли. Но придет.

Вера считает... считала себя обязанной мужу. Почему? Никто никому не может быть обязан: если что-то делаешь, то взамен не требуешь ответных действий. Делаешь просто потому, что хочешь делать.

Но элементарная благодарность должна присутствовать?! – мысленно возмутился Ираклий, с нежностью наблюдая, как Вера морщит нос, хмурит брови. – Что же ей снится? Или кто ей снится? А я-то чем лучше ее мужа? – внезапно озарила догадка.

Вера зашевелилась, как бы Ираклию не хотелось сидеть и наслаждаться, пришлось покинуть спальню.

Всю ночь он просидел во дворе на качелях, закутавшись в теплый плед. Благо дождь перестал. Сна не было. Ираклий размышлял, как ему жить дальше. Жить, как раньше, он точно не сможет. Жить по-новому он боится, не готов жить по-новому.

На рассвете пришел к выводу: Вера ему нужна! Любая, в любом виде, со своими прежними чувствами, которым он способен поставить заслон, направить в иное русло, отфильтровать, видоизменить.

Он будет терпелив, ненастойчив, искренен. Только так. С этой женщиной иначе нельзя.

Ираклий позвонил приятелю – забыл, который сейчас час. Приятель обозвал его «олухом царя небесного» и забыл о недовольстве, когда услышал о своей победе. Напомнил, что еще есть время. Но Ираклий отмахнулся и высказал «большую человеческую благодарность». За что? За то,

что его усилиями судьба свела его с одной замечательной женщиной, редким экземпляром – таких больше нет!..

Взгляд упал на клумбу с цветами. Ираклий вдохновился идеей: нарежет ранних роз – много, очень много, охапку – и положит охапку роз на пороге ее комнаты.

Выполнив первый пункт плана, мужчина только вознамерился перейти к осуществлению второго пункта, как на пороге появилась женщина, названная редким экземпляром – таких больше нет!

И хорошо, что на ней было вчерашнее белое платье в синий горох, а не его рубашка, предложенная накануне в качестве домашнего халатика. Рубашка-халатик утром – банально и пошло.

Вера была при параде, на мир смотрела требовательно и убежденно.

- Доброе утро, - с опаской поприветствовал ее хозяин дома.

- Доброе, - буркнула Вера Попугаева. – Ираклий, мне срочно нужно домой!

- Что-то случилось?

- Случилось... с моими мозгами: как я могла сюда приехать! – высказав возмущение своим поступком, она развела руки в стороны, словно хотела обнять окружающее пространство. Но не хозяина, от которого старательно отводила взгляд.

- Приехала, выспалась – что в этом плохого?! На твою честь я не покушался...

- Ну, знаешь...

- А надо было? Тогда извини.

Боже, что я несу, - подумал Ираклий и нашел объяснение, - это с непривычки – впервые влюбился, тушуюсь и глуплю.

- Отвези меня домой! – приказала Вера, испугалась своего напора и добавила, - пожалуйста. Мне надо на работу, и дома есть еще кое-какие дела.

- А завтрак? Хотя бы кофе?

- Кофе? Кофе можно.

Уже прогресс! – мысленно обрадовался мужчина. Обрадовался необычайно, как будто выиграл солидную сумму, миллион долларов. Для него одна ее улыбка стоила миллиона, триллиона.

Вера не стала заходить в дом, осталась ждать во дворе, на качелях. Ираклий вскоре вернулся. В руках держал две чашки кофе. Над чашками клубился пар.

- Я положил тебе ложку сахара. Нормально?

- Очень даже. Все правильно, - удивилась она.

Прожив в браке с Фиделем более двух десятков лет, она всегда была в услужении. А раз прислуга, то необязательно знать о ее вкусах, ее желаниях, ее интересах, увлечениях. Это прислуга обязана знать вкусы хозяина, предугадывать его желания...

Ираклий заметил в глазах Верочки вчерашний интерес.

Бедная несчастная девчонка, никто о ней никогда не заботился. Ей чужая забота в новинку, - сделал вывод Кудесников и дал себе клятву: он окружит ее такой заботой и вниманием, которыми никто никого не окружал.

Ираклию было в новинку собственное поведение, вызывали удивление мысли, но не пугали. И не заставляли усомниться в долговечности – с появлением в его жизни Веры все изменится, все изменится навсегда.

Ираклий часто увлекался. И теперь чувствовал разницу между прежним состоянием и настоящим. Это не привязанность, не интерес, это неизведанное доселе чувство. Чувство к женщине появилось не сразу. Но пренебрежительное безразличие с мгновенно поставленным «диагнозом» исчезло быстро, в ту самую минуту, когда он ее обнял там, во дворе.

Он почувствовал ЕЕ запах. Не запах парфюма, ни чего-то еще. ЕЕ запах. Вкусный, необыкновенный. Запах был наживкой, Ираклий легко заглотил наживку...

- Ты совсем не спал? – спросила Вера, кося глазом на розы, которые предназначались ей. Охапка роз лежала на столике у входа в дом. Дожидалась ее.

- Я... спал. Немного. Не хотелось. Думал...

Она не спросила, о чем он думал. Но губы тронула улыбка, едва заметная: она догадалась, о ком он думал.

- Поехали? – полувопросительно произнесла она, когда заметила, что его чашка пуста.

- Поехали...

Он довез ее до подъезда. Того самого, из которого она вчера вышла с картонкой в руках. Неужели это было вчера? – подумал Иракий. – Мне кажется, что я знаю Веру всю жизнь. У счастливых людей время летит быстро.

- До свидания? – с прежними полувопросительными интонациями произнесла она.

Что я должен сказать? – забегали мысли в голове Кудесникова. – Попрощаться и спросить: «Что ты делаешь вечером?» По-киношному. Взять и признаться? Не поверит.

- Я тебя подожду здесь, - неожиданно сказал он. В голосе явно прослушивались просительные нотки. – Когда ты переделаешь все свои дела, я отвезу тебя на работу.

- Мне недалеко...

- Ты не хочешь, чтобы я тебя отвез?

Она долго думала, как будто он задал ей сложную задачу.

- Иракий, ты ничего обо мне не знаешь, - с тоской проговорила она.

- Все, что мне надо, я уже знаю.

- Да? И... - уточнить Вера не решилась. – Ты не поднимешься? Я тебя завтраком накормлю. Ты же голоден.

- Я здесь подожду.

- Хорошо. Я быстро.

- Спасибо, - зачем-то поблагодарил Иракий. Он знал, зачем: за быстроту. Без Веры ему было невыносимо. Как жил раньше? Странно даже. Будто бы не жил...

Он сидел в машине и смотрел на дверь ее подъезда. Так сосредоточенно, что глаза заслезилась. А может быть глаза заслезилась от счастья? От счастья люди тоже плачут, мужчины в том числе.

Сейчас она выйдет, и он сразу ей признается. А там будь что будет. В любом случае он не отступит, будет за нее бороться...

Иракий Кудесников встрепнулся, но сразу сник – из подъезда вышла не Вера Попугаева.

Молодой мужчина выкатил из подъезда инвалидную коляску, в которой кто-то сидел, укрытый до горла клетчатым пледом. Судя по шляпе с большими полями, инвалидом была женщина.

Сзади шла еще одна женщина, за пятьдесят, высокого роста, крепкая, со злым лицом. Она что-то сказала молодому человеку, тот окрысился и дернул головой в сторону угла дома. Вскоре троица скрылась за указанным углом.

Время тянулось долго. Иракий кое-как выдержал целый час, потом разволновался. Он никогда не волновался по поводу кого-то, привычки волноваться не было. Не было человека, который завладел бы его мыслями, его чувствами, который получил постоянную прописку в его сердце.

И новое состояние его не злило. Не сказать, что радовало – все-таки волнение – вдруг с Верой что-то случилось? И скорее всего, что-то случилось, иначе она бы вышла – обещала не задерживаться. Вера из тех людей, которые всегда держат обещание.

Еще бы знать, в какой квартире она живет, - беспокоило подумал он.

И только собрался позвонить всезнающему человеку, еще одному своему приятелю, частному сыщику, бывшему сотруднику правоохранительных органов, но из подъезда выскочила девчушка с двумя хвостиками, в шортиках и маечке. Иракий выскользнул из салона авто, подошел к девчушке и спросил?

- Ты знаешь, в какой квартире живет тетя Вера? Ее фамилия Попугаева.

- Это от которой муж ушел? – выказала свою осведомленность девчушка.

- Фидель Попугаев, - подсказал Кудесников.

- В тридцать восьмой, - прыгая на одной ножке, сообщила девчушка.

Иракий взбежал по лестнице, игнорируя лифт.

Звонка не было. Пришлось стучать в дверь. Едва он приложился к двери костяшками пальцев, дверь отъехала в сторону.

- Вера, - окликнул Иракий, не переступая порога. Потом решил и переступил. – Вера, я тебя ждался... Вера, у тебя все нормально?

Кудесников обошел всю квартиру. В квартире никого не было.

Как не было платья, купленного накануне, в котором Вера была сегодня перед расставанием.

Если бы она по-тихому покинула квартиру, каким-то непостижимым образом проскочила мимо него, то обязательно бы переделась. И переобулась. Точно бы не отправилась на работу в новом платье в горох и туфлях на высоких каблуках: во-первых, бережливая, во-вторых, много передвигается, на высоких каблуках неудобно передвигаться.

Следов борьбы в квартире не было. Ираклию показалось, что Вера вообще не переступала порога, успела только открыть ключом дверь, а потом... что-то произошло.

Ираклия охватил ужас. Хотелось бегать по периметру закрытого пространства и рвать на себе волосы от безысходности, от беспомощности...

- Успокойся! – приказал себе Кудесников. Приказал вслух, чтобы лучше дошло. – Возьми себя в руки. И подумай, кто мог...

Что мог сделать злоумышленник с Верой, додумывать не стал, чтобы не сойти с ума. Голова должна работать четко.

- Кто? Надо думать, кто это был? Муж? Мог. Его избранница, которая боится его потерять? Могла.

А Ираклий боялся упустить драгоценное время. Боялся, что не справится в одиночку. Поэтому все-таки позвонил частному сыщику:

- Серега, мне нужна твоя помощь!

И начал излагать события коротко и ясно.

- Ты уверен, что твоя знакомая тебя элементарно не бортанула? – спросил Сергей.

- Уверен, - без тени сомнения, заявил Ираклий.

- Под подозрения попадают: бывший муж, который вчера увидел вас вместе, любовница, которая не желает его выпускать из цепких ручек. Не стоит исключать профессиональную деятельность твоей Веры. И не стоит исключать твоих недоброжелателей, конкурентов по бизнесу, которые взамен на женщину мечтают отхватить твой доходный бизнес.

- Серега, мы с ней вчера только познакомились!

- Тогда последнее мы можем исключить.

- Я подозреваю любовницу бывшего мужа Веры.

- Ты сиди там, у меня все сведения есть, буду действовать.

- Держи меня в курсе...

Каждый телефонный звонок вселял в Ираклия надежду, но надежда быстро исчезала, когда он видел высветившиеся на экране имя и фамилию. Он отвечал, но быстро сворачивал ненужный ему разговор, который еще недавно казался бы очень важным.

Сергей перезвонил через полтора часа.

- Слушай сюда, - деловито начал он, - как я и думал, все дело в профессиональной деятельности твоей Веры. Она навещает одну старушку, Аделаиду Спиридоновну Максютову, очень обеспеченную особу. Обеспеченную, но жуткую скрягу – не желает Аделаида Спиридоновна тратиться на домработницу, предпочитает пользоваться услугами социального работника. Вздорная старушка на удивление всех близких ей людей сдружилась с соцработником Верой Иннокентьевной Попугаевой, женщиной бескорыстной, доброй и заботливой. И официально отписала ей все свое имущество. Данный факт, что понятно, совсем не понравился якобы законным наследникам старушки, в числе которых ее племянница и сын племянницы.

- Серега, я видел, как из подъезда вышли женщина за пятьдесят и парень лет двадцати – двадцати-пяти. Парень толкал впереди себя инвалидную коляску. В коляске кто-то сидел, я не рассмотрел. Кто-то в шляпе с полями... Неужели в коляске сидела Вера? Но почему она...

- Не дергайся, ее могли усыпить, чтобы беспрепятственно усадить в инвалидное кресло-каталку и вывезти.

- Куда они ее повезли? - призадумался Ираклий Кудесников.

- Племянница Аделаиды Максютовой прописана в спальном районе, в двухкомнатной квартире. Но на квартиру твою Веру точно не повезут.

- Если не в квартиру, то куда?

- Есть у племянницы шесть соток в садовом товариществе «Витязь». Кстати, неподалеку от твоего дома. Надо бы туда наведаться, чем черт не шутит.

- Знаю я это товарищество, указатель видел, каждый день мимо проезжаю. Расположено приблизительно в километре от моего коттеджного поселка.

- Улица Майская, дом восемь. Я уже выезжаю.
- Я тоже!
- Ираклий, если приедешь раньше меня, ничего не предпринимай. Слышишь?..

Когда Сергей и Ираклий пробрались через окно в дом номер восемь по улице Майской в садовом товариществе «Витязь», они сразу увидели Веру Попугаеву, примотанную скотчем к стулу. Рот Веры тоже был заклеен скотчем.

Женщина ерзала на стуле, как уж на сковородке – боролась за свою свободу. Завидев Ираклия, затихла, глаза округлились до невероятных размеров. И сразу из глаз потекли ручьем слезы. Ираклий подскочил, попытался освободить, поискал глазами что-то режущее. Сергей резким движением сорвал с губ Веры скотч и тотчас приложил к своим губам указательный палец: чтобы женщина не закричала.

- Где они? –шепотом спросил Сергей.
- Я не знаю.

- Машина стоит во дворе, значит, далеко не ушли.

Ираклий наконец нашел нож, освободил Веру и присел перед ней на корточках.

- Не волнуйся, со мной все хорошо, - со слезами на глазах, успокоила она.

Ираклий обратился к Сергею:

- Мне показалось, я слышал за домом какую-то возню. Может, эта парочка там, спокойно занимается своими садово-огородными делами.

- Сейчас проверим, - подобрался Сергей.

Ираклий заметался: и Веру одну оставить боязно, и другу может потребоваться его помощь.

Вера сообразила и заявила:

- Я с вами.

Они преодолели скрипучее крыльцо старенького деревянного домишки, добрались до угла дома и прислушались. Отчетливо слышались два голоса: один мужской, другой женский.

-.. А потом цветами все засадим. Справная могилка получится. Прямо возле сарайчика, - рассуждала женщина. – Ничего что тень, мы посадим не светолюбивые цветы.

- Я ее убивать не буду, - сообщил мужчина. – Ты все это затеяла, ты и убивай.

- Значит, оставим всё как есть: этой бабе всё, нам с тобой кукиш с маслом?

- Ну почему же, - заспорил мужской голос.

- Тебе деньги старухины нужны?

- Могла бы не спрашивать.

- Деньги старухины тебе нужны, а возвращать их будем моими руками, ты, значит, чистеньким хочешь остаться, - принялась выговаривать женщина.

- Можно и не убивать вовсе. Посадить в подвал без еды и воды, сама окочуриться.

- Чем скорее мы от нее избавимся, тем лучше. Делов-то: придушишь ее подушкой, а ночью ее здесь закопаем... Глубины хватит, как думаешь?

- Не знаю!

- А ты не ори... Еще повезло, что понедельник, все соседи в город уехали... Везет нам... Да, Гришка?

- Везет, - пробурчал себе под нос Гришка. – И вернулась она домой очень кстати, мы только в дверь позвонили, а они из лифта выходит. Хорошо, у тебя наготове был шприц с сильным снотворным. Ловко ты ей саданула в предплечье! – восхитился парень.

- Ты бы проработал с мое медсестрой в кардиологии, еще бы не так... саданул...

- Мам, сделай ей какую-нибудь смертельную инъекцию.

- Где я лекарство возьму, дурень?! Полгода как ушла на пенсию, а если бы и работала, у нас все подобные препараты на жестком контроле... Значит так, Гри-ша, если ты отказываешься, я тебе ни копейки не дам из наследства. Так и знай.

- Согласен я. Только уж ты мне помочь должна...

Не прерывая записи на диктофоне, из укрытия показался Сергей. За ним шли Ираклий и бывшая пленница Вера, чья участь уже была решена.

- А вот и доказательства, - поигрывая в руках диктофоном, заявил Сергей.

От неожиданности тетка осела в вырытой яме, а ее сынок заверещал:

- Я тут ни при чем, это все она! Она!
- Здесь и без записи на диктофоне все ясно, - вставил Ираклий, когда парень заткнулся.
- Однако с записью на диктофоне меньше мороки с этими преступными элементами, - ответил частный детектив и обратился к преступным элементам: - ну, что, граждане убивцы, собирайте вещички, поедем в участок. Там вас примут с распростертыми объятиями...

Вечером того же дня Вера Попугаева сидела на диване в гостиной Ираклия в прежней позе. Ираклий сидел напротив нее в кресле, любовался ею и никак не мог налюбоваться.

- Не смотри на меня так. Я смущаюсь.
- Привыкай.
- Я хочу... Мне надо домой.
- Хочешь или надо?
- Хочу.
- Чего ты хочешь?
- Так я тебе и сказала, - замешкавшись, ответила Попугаева.
- А если я очень попрошу.
- Больше всего я хочу вот так сидеть... И чтобы ты был рядом.
- Ираклий пересел на диван.
- Я рядом. Никуда тебя не отпущу, никому тебя не отдам.
- Я... Не... никак... не могу поверить, - сбиваясь, призналась Вера.
- Ты мне нужна. Веришь?
- Уже верю. Если бы ты признался утром, не поверила бы.
- Надо поблагодарить преступную банду? Я прошел проверку?
- Видел бы ты свое лицо, когда проник через окно в этот дом-тюрьму. Мне стало так тебя жаль, что я разревелась... И поняла, что вся прошлая жизнь была неправильной – игра в один ворота.
- Сейчас у нас... не игра в один ворота? – напрягся Кудесников.
- Ираклий, я... не могу пока уверенно сказать, что... Я не могу...так сразу.
- Я тебя не тороплю, понимаю, что так сразу ты не можешь.
- Хочу сказать тебе спасибо... Нет, не за спасение, хотя, за спасение тоже огромное спасибо.
- За что же еще?
- Ты заставил меня проснуться. Я многое поняла и сделала правильный вывод. Монотонность жизни, как и счастье, могут быть обманчивыми.
- Рад служить.
- Надо сказать Фиделю Попугаеву большое спасибо за то, что ушел. Тогда бы я не оказалась в отчаянном положении, не поперлась на улицу с призывом «обними меня!».
- И меня на пушечный выстрел не подпустила. Так что скажем большое человеческое спасибо от нас двоих... Верочка...
- Да?
- Верочка...
- Ираклию просто нравилось произносить ее имя.
- Кажется, я сошла с ума, - призналась Вера.
- Напротив, ты излечилась от душевного недуга.
- Что ты обо мне подумал, когда впервые увидел? Решил – ненормальная?
- Ираклий усмехнулся, представив женщину с отчаянием на лице, которая вышла на крыльцо.
- Я подумал, что к тебе часто обращаются с вопросом: «Женщина, у вас не будет воды попить, а то так есть хочется, даже переночевать негде».
- Я наивная и доверчивая? Это плохо?
- В некоторой степени, да. Пора научиться делить людей на хороших – подобных тебе, и плохих – корыстных и хитрых.
- На плохих, подобных тебе, - мысленно договорилась Вера Попугаева, пытаясь изо всех сил не растерять на лице предрасположенность к мужчине, сидящему рядом с ней на диване. – Неужели

ты, милый друг, подумал, что я верю всем твоим бредням? Не верила и не поверю. Жаль, не придется узнать, зачем тебе все это нужно.

Вера положила голову на плечо Ираклия, чтобы скрыть свое лицо – зеркало возмущенных мыслей. Ираклий взял ее руку и приложил к своим губам. Вера прислушалась к себе: реакции ноль! Она не испытывает к нему никаких чувств. Причина не в недоверии, причина в ней: всегда любила и будет любить Фиделя. Ираклию она благодарна – он ее спас. И научил использовать других людей, тех людей, которые нагло врут, преследуя свои цели.

Не иначе Ираклий Кудесников с кем-то поспорил, не на меня конкретно, на женщину, – догадалась Вера. – Ему повезло – нашел доверчивую дуру. Что ж, я согласна пойти навстречу твоему желанию выиграть спор. Но ради своего желания вызвать гнев Фиделя. Наконец, он поймет, что я чего-то стою, что я кому-то нужна. Если кому-то нужна, то нужна и ему...

Ираклий услышал то, чего не ожидал от услышать от скромной и тихой женщины. Глядя ему в глаза, она заявила:

- Я помню – ты обещал не приставать. Но это было вчера. Сегодня кое-что изменилось.

Он не сразу сообразил. А когда сообразил, осторожно взял ее за руку и повел на второй этаж...

Засыпая, Ираклий подумал: запретный плод сладок, от не запретного возникает быстрое перенасыщение, появляется оскомина. Немного вздремну, а потом, пока не поздно, «порадую» проигравшего приятеля качественным снимком обнаженной натуры. Да, я беспринципный, но таким уродился, нисколько об этом не жалею. Каждому свое...

Вера дождалась, когда Ираклий погрузится в сон. Осторожно пристроилась рядом с ним и щелкнула фотокамерой мобильного телефона, после чего полюбовалась результатом. Вышло не четко, но понятно: вот его голова на подушке, вот ее голова у него на груди. Волосы разметались, в глаза блуд. Красивая...

Недолго думая, отправила снимок Фиделю Попугаеву, приписав:

- У тебя еще остался крохотный шанс все вернуть.

И сразу получила ответ.

- Вера, я дома. Я вернулся. Забудем обо всем. Возвращайся.

Она кубарем слетела со второго этажа, на ходу натягивая на себя одежду. Дождалась такси и помчалась к своему Феде, нисколько не сожалея о случившемся...

Май 2017 г.